

Т.Е. Сиволап

**Роль церковно-археологических музеев
в культурной жизни России
(вторая половина XIX – начало XX века)**

В настоящее время остро стоят вопросы о статусе памятников церковной архитектуры и искусства, о праве собственности на них государства и церковных организаций, о возврате этих памятников из музеев для функционального использования, о доступности их для обозрения и научного изучения, о мерах их охраны, поддержания благоприятных условий хранения, их реставрации. В сложном положении оказалась в последние годы и государственная система охраны памятников, столкнувшаяся с новой правовой ситуацией в отношении переданных патриархии предметов и сооружений церковной старины.

Представляется целесообразным обратить внимание на накопленный исторический опыт в России, приобретенный русским обществом, русской церковью в предшествующие столетия в развитии дела охраны отечественных древностей, в области изучения и сохранения историко-культурного наследия.

Опыт этот был неразрывно связан с развитием общественного самосознания, демократических институтов, совершенствованием законодательства и ростом правосознания в обществе. Столь же прочно он связан с попытками освобождения церкви от государственной опеки, превращения ее в независимую организацию с собственными учреждениями, занимающимися проблемами охраны и изучения памятников, и в то же время осознающую свою ответственность перед обществом и государством за судьбу тех сокровищ, которые находились в ее владении, а потому признающую безусловную силу закона.

Особая специфика истории охраны культурного наследия в России второй половины XIX – начале XX века заключалась в том, что большая часть памятников принадлежала церкви, являлась православными святынями, предметами богослужебного обихода. В монастырях и храмовых ризницах хранилось множество древних икон, шитья, рукописей, церковной утвари. Церковные постройки относились к лучшим памятникам русского зодчества. На протяжении долгого времени все это ис-

пользовалось только функционально; храмы перестраивались, обветшавшие вещи либо хранились в ризницах, либо просто уничтожались. В сознании общества церковные древности оставались предметами литургического содержания, реликвиями веры. Понимание значения обществом церковных древностей как памятников истории и культуры формировалось постепенно и достаточно сложно. Такое отношение к церковным древностям осложняло процесс становления законодательной системы их охраны. Усугубляла этот процесс запутанность имущественных отношений. Св. Синод превратился в одно из государственных ведомств и стал административным органом для управления духовным сословием и всем имуществом, в том числе и древними памятниками.

Идеи сохранения памятников старины, в частности церковных древностей во второй половине XIX века захватывают не только часть гражданского общества, но и просвещенные слои духовенства. Все яснее осознается мысль, что дело это не только не чуждо церкви, но отвечает ее глубинным целям. Она находит практическое воплощение и в учреждении епархиальных церковно-археологических музеев и древлехранилищ, и в том, что в духовных академиях обязательным становится курс церковной археологии.

В XIX веке круг исследователей отечественной истории расширился за счет представителей духовного сословия: таких, как киевский митрополит Евгений /Евфимий Болховитинов/, автор многочисленных трудов по церковной и отечественной истории; археолог, член многих исторических и археологических обществ, член-корреспондент Академии наук Амфилохий /Павел Иванович Сергиевский-Казанский/; ученый-богослов, профессор С.-Петербургской духовной академии, ректор Киевской духовной академии, архиепископ Иннокентий /Иван Алексеевич Борисов/, который занимался научным описанием монастырских собраний церковных древностей, рукописей и библиотек, участвовал в описании и реставрации древних памятников Крыма и Кавказа. Внесли свой вклад в изучение отечественной истории и члены церковно-археологических обществ и комитетов. Так что в конце столетия, в 1899 году управляющий синодальным архивом Аполлинарий Николаевич Львов, составивший описание храма Христа Спасителя в Москве, в обстоятельной записке мог отметить заметный интерес в среде духовенства к разработкам местной старины. Но тот же

Львов при этом указывал на пассивность, незнание и непонимание большинством священнослужителей значения письменных памятников как источника познания своего прошлого и сокрушался по поводу небрежного отношения к хранению церковных древностей, архивов и библиотек. «...Из очерка возникновения наших церковно-археологических учреждений, их задач, направления, развития и состояния очевидно, что все дело – как собирание памятников родной старины, сохранившихся в разных учреждениях духовного ведомства, так и разработка их – находится в положении крайне случайном, неопределенном и далеко ненадежном. Так, прежде всего, самое возникновение обществ и древлехранилищ обуславливается всегда не местными историческими обстоятельствами, как, например, количеством памятников, их историческим значением, а исключительно инициативой и энергией отдельных лиц»¹.

Современники свидетельствовали о многочисленных случаях распродажи, хищения и гибели церковных предметов старины. По сообщениям заведующих имуществом приходских церквей и монастырей, «неправильно применяют к предметам древности и замечательным образцам старинного искусства общее правило, по которому церковная утварь, прослужившая известное число лет, обращается за непригодностью в лом и выписывается в расход; под этим предлогом продавались целые корзины древней утвари»². На Нижегородской ярмарке целые ряды были отведены для продажи древних икон, крестов, шитых пелен. Перекупщики старых церковных предметов продавали их по выгодным ценам коллекционерам³. Михаил Петрович Погодин в статье «Судьба археологии в России» отмечал беспощадное отношение со стороны священнослужителей к памятникам древности⁴.

Вплоть до конца XIX века многие церковнослужители не выполняли синодальные распоряжения о запрете продажи и самовольного распоряжения находящимися в церквях предметами старины, часто просто по недоразумению.

1 Церковные ведомости. СПб., 1900, № 30, С. 1188-1203.

2 Законоположение о сохранении памятников старины. Б.м. и г. С.9.

3 Ярославские епархиальные ведомости. 1898, № 3, С.33-36; № 6, С.97-98.

4 Погодин М.П. Судьба археологии в России. // Журнал Министерства народного просвещения. 1869, сентябрь, С.31.

Предметы искусства и старины порой уничтожались из-за халатного, небрежного отношения к ним со стороны тех ведомственных лиц, которые должны были их тщательно сохранять.

В Императорском археологическом обществе в декабре 1910 года было заслушано сообщение А.И.Анисимова на тему о способах сохранения церковной старины в России. В виду предстоящего в 1911 году в Новгороде ХУ Археологического съезда и открываемой при нем выставки предметов старины, докладчик, по поручению Археологического общества и Новгородского предварительного комитета, объездил три уезда Новгородской губернии, изучая старинные церкви, часовни и, главным образом, оставшиеся в них памятники церковной старины. В церковных амбарах, сараях, на колокольнях он нашел целые склады древних икон и утвари, между которыми было немало редких вещей. Все это, сваленное, как ненужное, в кучи, гнило под дождем, разрушалось от плесени, погибая. Старинными иконами закрывались отдушины у церквей. В церковных кладовых Череповецкого уезда Анисимов видел покрытые плесенью, от которой сходил левкас, великолепные иконы ХУП века, засыпанные мусором и источенные мышами дивные вышивки на престольных одеждах и священнического одеяния, брошенные в кучи обломки крестов и панагии. «Гибнет старина. А как спасти ее? К сожалению, причт и приход не отдают, держат то, что им уже и не надо. И на просьбы отдать – почти всегда ответ: «Хранить неуклонно как неотъемлемую собственность прихода»¹. Докладчик сожалел о том, что в России не было закона, по которому можно было бы отчуждать те предметы церковной старины, которые, перестав служить и исполнять свое прямое назначение, лежали и гнили по кладовым.

Осенью 1910 года на собрании Общества архитекторов-художников с докладом «О сохранении русской церковной художественно-исторической старины и о древлехранилище Невской Лавры» выступил А.А.Карелин, который обратил внимание собравшихся на отношение духовенства к предметам церковной старины и указал на те препятствия, которые оно чинит при устройстве церковных музеев. Собрание постановило ходатайствовать перед начальством о запрещении вывоза церковной утвари за границу, что было очень своевременным и акту-

---

¹ Старые годы. СПб., 1911, №1, С.61.

альным¹.

На заседаниях археологических, исторических и художественных обществ неоднократно указывалось на небрежное отношение, какое проявляло духовенство в отношении памятников старины, постоянно отстаивая свое право собственности в отношении церковных древностей. Требовалось незамедлительное повышение уровня художественного образования духовенства, а в целях этого одной из главных мер предлагалось введение преподавания истории русского церковного искусства и церковной археологии во всех духовных семинариях и академиях, а также создание местных епархиальных музеев церковных древностей.

В середине XIX века внимание к памятникам прошлого, особенно церковным, в немалой степени было обусловлено государственной охранительной политикой, девизом которой стало «православие, монархия, народность». Именно в это время художники и архитекторы обращаются к традициям Древней Руси и Византии. Высочайшими указами рекомендовалось соблюдать «достоинство и приличие в архитектурном отношении, с сохранением предпочтительного древнего византийского стиля». Эти советы дали толчок для ряда законодательных актов /ст. 209 Устава строительного, ред. 1857 года/. Под эгидой св. Синода в качестве руководства и помощи духовенству и строителям были разработаны, изданы и разосланы по епархиям проекты церквей и иконостасов в «византийском стиле».

Несмотря на идеологический подтекст охранительных действий периода царствования Николая I, именно при нем в области формирования законодательной политики в отношении памятников старины наметился определенный положительный сдвиг. Так, св. Синод предпринимал попытки создать самостоятельную службу по охране церковных памятников в рамках духовного ведомства. В 1853 году при нем был образован Комитет с целью «приведения в известность монастырского и церковного достояния и охранения от растраты и порчи замечательных или по священности, или по особенному значению в церковно-историческом или археологическом отношении памятников русского благочестия»². Комитет начал свою дея-

---

1 Старые годы. СПб., 1910, № 1, С.44.

2 Покровский Н.В. Желательная постановка церковной археологии в духовных академиях. // Христианское чтение. 1906, Т.221, № 3, С.333-349.

тельность с изучения описей, присылаемых из епархий, и ревизии наиболее значительных древлехранилищ. Но уже к концу 60-х годов XIX века сведения о нем исчезают. Св. Синод предложил принять функции по охране памятников старины созданной в 1865 году Комиссии для разборки и описания дел архива св. Синода, но и эта попытка окончилась неудачей. Чтобы как-то предотвратить действия, способствующие разрушению памятников со стороны духовенства, начиная с 60-х годов XIX века в официальных церковных изданиях в популярной форме стали печататься материалы по истории монастырей, церквей, чудотворных икон. Появляются серьезные историко-археологические исследования, способствовавшие зарождению нового направления в исторической науке – церковной археологии.

На первом этапе церковная археология рассматривалась лишь как учебная дисциплина, которая была введена в 1869 году в духовных академиях в качестве самостоятельного предмета. Благодаря трудам таких ученых, как Иван Данилович Мансветов (археолог, профессор Московской духовной академии, председатель Совета общества любителей духовного просвещения), Александр Петрович Голубцов (историк, археолог, профессор Московской духовной академии), Алексей Афанасьевич Дмитриевский (историк, профессор Киевской духовной академии), Николай Васильевич Покровский (историк искусства, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, директор Археологического института), она превратилась в самостоятельную научную дисциплину. В обзор исследований входил широкий круг вопросов истории православия, искусства и традиций, постоянно привлекались письменные и вещественные памятники.

Во второй половине XIX века в России возникло немало музеев и просто собраний древностей при учреждениях, где они служили научным или учебным целям. Эти коллекции существовали при губернских ученых архивных комиссиях и статистических комитетах, при местных исторических и археологических обществах, при духовных академиях и семинариях, при епархиальных учреждениях, при церквях и монастырях.

С середины 90-х годов XIX века Синод стал широко насаждать церковно-археологические органы /комитеты, комиссии, общества/ в епархиях. Соответствующие общества появились в епархиях: Волынской /1893/, Ставропольской /1894/, Тульской /1898/, Калужской /1900/, Подольской /1903/, Бессарабской

/1904/, Орловской /1905/, Казанской /1906/, Новгородской /1913/, Саратовской /1913/, Симбирской /1914/.

Уже, фактически, с 70-х годов XIX века стали организовываться церковно-археологические музеи и древлехранилища, коллекции которых служили предметными пособиями для учащихся академий. Со временем многие музейные собрания пополнились древними рукописями, редкими по иконографическим изводам и художественным достоинствам иконами, образцами церковного шитья, резьбы, о чем свидетельствуют их издания и каталоги.

Задачи практически всех церковных музеев состояли в изучении истории своего края, «приведении в известность», «охранении для науки памятников православной древности» путем их обследования, «в обращении их по возможности в состав музея, в принятии мер и предупреждении утраты древних памятников», «в издании памятников древней письменности и вещественных памятников церковной древности»¹.

Музеи, которые находились при церковных и церковно-археологических учреждениях количественно преобладали над городскими музеями и музеями правительственных комиссий и комитетов. Церковь, владея сокровищами искусства и старины, имела неисчерпаемый источник для формирования своих собраний. Если в каком-либо епархиальном центре епископ или близкие к нему лица обнаруживали интерес к прошлому, им было достаточно не сложно организовать церковный музей с большими перспективами на будущее. Проблема заключалась, однако, в том, что высшая церковная власть не всегда охотно шла на изъятие данных памятников из действующих храмов. Большинство епархиальных древлехранилищ возникло в 80-90-х годах XIX и даже в начале XX века², когда лихорадка собирательства захватила все круги образованного общества и

---

1 Мансветов И. Об устройстве церковно-археологических музеев. // Православное обозрение, 1872 (1 полугодие), С.259-282.

2 Здравомыслов К.Я. Сведения о консисторских архивах и церковно-археологических учреждениях в епархиях с проектом «Правил высочайше утвержденной архивно-археологической комиссии при Святейшем Синоде» и «Положения о церковно-археологических комитетах». СПб., 1908; Его же. Сведения о существующих в епархиях церковно-археологических учреждениях и консисторских архивах. // Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Т.П. Пг., 1917, С.322-359.

потребовалось оградить церковные древности от их расхищения частными коллекционерами.

Предыстория церковных музеев восходит к середине ХУП столетия, когда во дворце Московского Кремля была учреждена так называемая Образная палата – специально оборудованное хранилище икон, лицевого шитья и других предметов церковного назначения. Другим церковным музеем была синодальная ризница с первоклассными собраниями греческих, русских и южнославянских рукописей и церковных предметов. Она находилась на колокольне Ивана Великого в Московском Кремле. Начало синодальной ризницы и библиотеки восходит к еще более ранним временам, чем возникновение Образной палаты, но инициатива оформления ризницы в виде благоустроенного музея, доступного для обозрения и занятий ученых, была проявлена только в середине XIX века митрополитом Филаретом, который подыскал для этого иеромонаха из Троицкой лавры Савву (1819-1896) /Тихомиров Иван Михайлович, окончивший Духовную академию, получивший позднее сан архиепископа Тверского и Кашинского, в 1850-1859 годах синодальный ризничий¹. Богатейшая сокровищница церковных предметов и рукописей досталась ему в беспорядочном и почти неопisanном виде, но уже через пять лет Савва добился образцового состояния московской патриаршей ризницы. Это тем более удивительно, что он не имел археологической подготовки и как ученый рос вместе с порученным ему делом. Итогом его плодотворной работы явился фундаментальный по замыслу, содержательный «Указатель для обозрения ризницы и библиотеки», который выдержал пять изданий и был даже переведен на французский язык. И постановка самого музея, где лучшие предметы были выставлены для обозрения в специально заказанных шкафах-витринах, и печатный указатель, и благожелательное отношение Саввы к посетителям были до такой степени новыми, что это вызвало сочувственный отклик в газетах и журналах. Открытие ризницы, прежде всего для ученых, и появление указателя составили целую эпоху в музейном деле России. И не случайно Савва был избран членом всех ведущих исторических и археологических обществ, а под конец жизни

---

¹ *Вздорнов Г.И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М., 1986, С.178-179.

Московская духовная академия присудила ему почетный титул доктора церковной истории.

Приведение синодальной ризницы и библиотеки в образцовый порядок – не только плод личных усилий Саввы, но в значительной мере и следствие общей заботы митрополита Филарета о сохранности древних предметов и рукописей, находившихся в церквях и монастырях Российской империи. 18 марта 1853 года он приготовил записку на эту тему, представленную в св. Синод, который незамедлительно разослал по епархиям соответствующий указ. Этими документами епархиальным властям предписывалось составить охранные описи наиболее ценных памятников. Речь шла прежде всего о рукописях.

Ризница и библиотека московских патриархов, описанные архимандритом Саввой, были хранилищами церковно-государственного значения. Совсем иной характер имели церковно-археологические коллекции при учебных заведениях, таких, например, как духовные академии и семинарии, и при церковно-археологических комитетах и обществах, которые активно начали учреждаться, начиная с 70-х годов XIX века почти во всех главных епархиях. В свое время мысль о церковно-археологических музеях развивал М.П.Погодин; она занимала существенное место в его речи, произнесенной на первом археологическом съезде в Москве. Но если научная общественность рассматривала такие музеи как верное средство сохранения исторических и художественных ценностей, то в системе церковного управления они требовались для учебных и отчасти миссионерских целей.

По новому уставу о духовных академиях, который был утвержден в 1869 году, церковная археология трактовалась уже как самостоятельная учебная дисциплина. Если ранее сведения о ней давались в общем курсе литургики, то отныне она стала предметом отдельного преподавания. А раз так, понадобились и наглядные пособия в виде предметов церковной старины. Создание учебных церковно-археологических музеев было признано необходимостью, и лучшие представители церковного образования воспользовались этим для общего развития музейного дела в России.

Первый церковно-археологический музей создала Киевская духовная академия. Летом 1872 года профессор академии

Ф.А.Терновский ознакомился с учебным музеем при Берлинском университете¹, а по возвращении в Киев он и еще два преподавателя - П.А.Лашкарев и А.Д.Воронов – подали в Совет академии доклад об учреждении при Киевской духовной академии Церковно-археологического общества и музея. Составленный П.А.Лашкаревым проект был отослан на утверждение в Синод, и по указу последнего от 18 октября 1872 года началась официальная жизнь музея и Общества в Киеве².

На первых порах оба учреждения развивались слабо. Киевский митрополит Арсений, занимавший кафедру до 1876 года, рассматривал факт основания Общества и музея как модное увлечение. В его глазах это была напрасная трата времени и сил тех людей, которые должны были служить исключительно церкви и церковному образованию. Поэтому он не только не оказывал никакой поддержки Обществу, но и затруднял рост музея. По замыслу основателей, академический музей должен был стать хранилищем церковных древностей юга России, прежде всего киевских. Но как раз из киевских церквей музею не удалось получить даже давно вышедшие из употребления предметы. Бывали случаи, когда по настоянию Арсения возвращались уже принятые вещи. Волей-неволей пришлось комплектовать музей иными предметами древности, делая при этом расчет на личные дары собирателей, а также на отдельные поступления от членов общества и других сочувствующих музею лиц.

В этих неблагоприятных условиях нужен был человек, который поставил бы дальнейшую судьбу киевского музея целью своей жизни. И такой человек нашелся. Им стал первый секретарь Церковно-археологического общества и первый хранитель музея Николай Иванович Петров (1840-1921). Родом из Костромской губернии, он с 1861 года учился в Киевской академии, где занял впоследствии кафедру истории и теории русской и зарубежной литературы. Свои литературоведческие труды и чтение лекций Н.И.Петров сочетал с любимейшей ему работой по созданию и благоустройству музея. Через тридцать лет, когда подводились итоги научной и музейной работы Церковно-археологического общества при Киевской академии, музей

1 *Терновский Ф.* Собрания церковных древностей на Афоне, в Дрездене и в Берлине. // Труды Киевской духовной академии, 1872, декабрь, С.417-418.

2 *Петров Н.* Тридцатилетие Церковно-исторического и археологического общества при Киевской духовной академии. // Труды Киевской духовной академии, 1903, январь, С.134-151.

занимал восемь помещений, где хранились и экспонировались около тридцати тысяч различных произведений искусства и старины. Н.И.Петров был единственным работником этого уникального музея: он разыскивал нужные вещи, уговаривал церковное начальство и собирателей, принимал, регистрировал и описывал новые экспонаты, подготавливал ежемесячные и ежегодные отчеты, публиковал указатели и статьи о наиболее примечательных произведениях, водил экскурсии, принимал ученых и знатных посетителей, заботился о витринах и, наконец, о ремонте самого здания, где размещался музей. Можно сказать, что Н.И.Петров был подлинным создателем киевского музея¹. Первым значительным поступлением в музей Киевской духовной академии была специально подобранная коллекция из 222 икон, купленная в 1875 году у московского купца и бывшего старообрядца Андрея Ефимовича Сорокина.

В 1879 году открылся другой известный церковный музей – при Петербургской духовной академии². Один из его учредителей, доцент, а затем и профессор академии Н.В.Покровский, побывал в Западной Европе для ознакомления с археологическими музеями Берлина, Страсбурга и Рима. Ему было ясно, что европейские учебно-археологические музеи не могут являться эталоном для российских по причине их крайне слабой оснащенности подлинными памятниками древности, в основном состоявшим из копий, слепков, чертежей, рисунков и макетов, а не подлинных произведений церковного искусства. Добившись официального признания музея при Петербургской духовной академии, Н.В.Покровский энергично приступил к его комплектованию церковными древностями из Новгорода и Москвы. Как раз в это время новгородское земство решило закрыть единственный городской музей, доставшийся ему от губернского статистического комитета: по причине, как было заявлено официально, недостатка средств на его содержание и полного равнодушия к музею местного населения. Музей, правда, был сохранен, но Н.В.Покровский получил разрешение отобрать для Петербургской духовной академии лучшие вещи, которые он без промедления доставил в Петербург. На этом, соб-

1 *Бродович И.* Тридцатилетие Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. // Труды Киевской духовной академии, 1903, февраль, С.231-253.

2 *Покровский Н.В.* Церковно-археологический музей Санкт-Петербургской духовной академии. 1879-1909.. СПб, 1909.

ственно, и завершается история музея Петербургской духовной академии, рост которого прекратился сразу после первых значительных поступлений. В 1909 году Николай Васильевич Покровский, профессор Петербургской духовной академии, опубликовал обзор созданного им музея, но это были те же три тысячи вещей, как и три десятилетия назад. В своей рецензии на книгу Н.В.Покровского хранитель киевского музея Н.И.Петров не умолчал, что завидная роскошь издания совсем не соответствует скудным коллекциям петербургского музея, который к тому же не имел уникальных произведений, как музей в Киеве¹.

В 1880 году последовало официальное открытие Церковно-археологического музея при Московской духовной академии², находившейся в Троицкой лавре под Москвой. Впервые мысль об учреждении музея при Московской духовной академии была подана в 1870 году известным историком русской церкви Е.Е.Голубинским. Основу церковной коллекции этого музея образовали семьдесят икон, полученных осенью 1871 года с петербургского склада икон и старопечатных книг, отобранных у старообрядцев.

В 1900 году возникает Церковно-археологический музей Общества любителей духовного просвещения³. Создание музея совпало с общим оживлением интереса к церковному искусству на рубеже XIX и XX веков.

Во второй половине XIX века в России возникало достаточно много церковных музеев. Правда, около половины их не имело общественного значения: они образовывались, а затем как-то незаметно исчезали или вливались в другие собрания, оставляя по себе память в виде упоминания или краткого обозрения в специальной печати.

Хотя высшая церковная власть разрешала и поощряла образование древлехранилищ, их судьба во многом зависела от местных архиереев, игуменов или священников. Частые перемещения священнослужителей, часть из которых рассматривала музеи как не очень нужные и обременительные учреждения, ставили под удар даже значительные собрания древностей. Ни

1 Труды Киевской духовной академии, 1910, январь, С.127-145.

2 Голубцов А. Церковно-археологический музей при Московской духовной академии. Сергиев Посад, 1895 (оттиск из журнала «Богословский вестник», 1895, апрель и май), С.30.

3 Успенский А. Иконы Церковно-археологического музея Общества любителей духовного просвещения. //Церковный вестник, 1900, № 37, С.447.

одно из древлехранилищ не было застраховано от временного закрытия, распыления или даже уничтожения. Бывало, порой, и так, что перемена церковного начальства сводила на нет результаты многолетних усилий: помещения отбирались для надобностей епархиального управления, с трудом собранные экспонаты переносились из одного малопригодного здания в еще более худшее и в конечном счете оставшиеся вещи сваливались на колокольню или возвращались на места их первоначального нахождения. Много держалось на волоске, и, к сожалению, лицам, бравшимся за устройство древлехранилища в провинции, требовалась немалая выдержка, чтобы преодолеть сопротивление властей. В истории даже наиболее известных провинциальных древлехранилищ, фактически настоящих музеев церковной старины, таких как Тульское, Владимирское, Архангельское епархиальные древлехранилища, немало фактов, которые свидетельствуют о трудности их выживания¹. Самым значительным из церковных древлехранилищ конца XIX века было древлехранилище в Архангельске. В отличие от других древлехранилищ его созданию предшествовало возникновение организационного учреждения – Комитета по собиранию и хранению памятников церковной древности.

Во второй половине, а особенно к концу XIX века в России отмечается значительный расцвет научных обществ, возникающих в столице, университетских центрах, провинциальных губернских городах. Одной из основных форм деятельности научных обществ являлось собирание научных коллекций и связанное с этим создание музеев, библиотек, архивов и сохранение памятников древности. Своеобразную разновидность археологических обществ составляли церковно-археологические общества. Первым из них, как уже упоминалось, стало Церковно-археологическое общество при Киевской духовной академии.

Церковно-археологическое общество в Новгороде было создано 3 января 1913 года. Согласно Устава цели Общества состояли в изучении церковно-религиозной жизни Новгородского края, охране церковных древностей, образовании церковно-археологического древлехранилища из письменных и вещественных памятников местной церковной старины. Для осуществления этих целей Общество должно было наблюдать

---

¹ *Вздорнов Г.И.* Указ. соч., С.191.

за сохранностью старинных храмов, икон, церковной утвари, принимать меры против их порчи и разрушения, собирать и хранить в созданном при Обществе музее письменные и вещественные памятники местной старины, а также наиболее оригинальные произведения местного иконописания, заботиться о распространении в местном обществе и особенно среди духовенства историко-археологических сведений, пробуждать интерес к памятникам местной старины, путем устройства публичных чтений и организации выставок¹.

До создания Новгородского церковно-археологического общества /НЦАО/ делом охраны памятников церковной старины в Новгородском крае занимались члены Новгородского общества любителей древности, созданного в 1894 году. Охранение и изучение старины стало для членов НЦАО первостепенной задачей. Общество стремилось сделать известными, описать памятники церковной старины, находящиеся в соборах, церквях, монастырях края. Наряду с изучением историко-археологических памятников новгородской старины Общество заботилось об охране церковных древностей и препятствовало их разрушению, как путем помещения их в древлехранилище, так и путем реставрации, обмера, фотографирования, зарисовок, подробного описания и других научных способов. Так, в 1914 году российским правительством по ходатайству НЦАО была выделена необходимая сумма для проведения реставрационных работ разрушающихся строений Кирилло-Белозерского монастыря. Тогда же в 1914 году Советом Общества было возбуждено ходатайство перед св. Синодом о разрешении на ремонт церкви Федора Стратилата на Торговой стороне. Благодаря достаточно активной деятельности Общества удалось спасти от гибели не один десяток памятников старины, главным образом памятников архитектуры. При реставрации древних храмов Совет Общества строго наблюдал, чтобы обязательно было испрашиваемо разрешение на их ремонт у Императорской Археологической Комиссии.

Одной из главных задач членов Общества являлось отыскание предметов иконографического искусства новгородской школы, помещение их в музей Общества, открытие от позднейших наслоений, спасение от гибели, уничтожения и продажи за

---

¹ Устав Новгородского церковно-археологического общества. Новгород, 1913, С.9-10.

границу¹. Общество не жалело средств на расчистку икон. Совет Общества неоднократно обращался к духовенству епархии с просьбой об усилении внимания за наблюдением и сохранением памятников старины и просил ни в коем случае не допускать продажи их в частные руки. Местное духовенство епархии, в большинстве своем являясь членами НЦАО, оказывало Обществу материальную поддержку, а также было главным пожертвователем разного рода грамот, рукописей, старопечатных книг, предметов церковной утвари, иконописных работ XIV-XVII веков, которые составили собрание музея. Новгородское церковно-археологическое общество функционировало и в годы первой мировой войны, хотя довольно сложно было получить необходимые средства на проведение работ по изучению и реставрации памятников старины. В 1916 году деятельность Общества постепенно затухает. Но даже в течение небольшого периода существования Общества его члены сумели собрать интересные коллекции предметов церковной старины, составившие основу церковно-археологического древлехранилища. Своевременные выступления членов Общества позволили сохранить от гибели и разрушения десятки памятников старины, главным образом памятников церковной архитектуры и иконописи.

Учреждение подобного характера существовало в эти годы и в Пскове. Несмотря на то, что Псковское археологическое общество, созданное в 1880 году, уделяло внимание изучению местной церковной старины, среди местного духовенства и интеллигенции возникла идея о создании специального церковного археологического учреждения, а также церковного музея, где могли бы храниться предметы церковных древностей из храмов Псковской епархии. Необходимость создания Псковского церковного историко-археологического комитета /ПЦИАК/ была вызвана как общими культурными потребностями, так и историческими судьбами Псковской области и самого Пскова. Исследователь местной старины И.В.Васильев указывал на тот факт, что ни один из русских городов, кроме Москвы, не содержал такого количества памятников древности, как Псков. Но они были мало изучены и требовалось принятие срочных мер к их сохранению.

---

¹ Отчет Новгородского церковно-археологического общества за 1913 г. Т.1, Новгород, 1914, С.3.

Открытие Псковского церковного историко-археологического комитета состоялось 24 августа 1908 года. Целями деятельности Комитета являлись: изучение церковно-религиозной жизни псковского края, охранение церковных древностей и образование церковно-археологического музея, состоящего из письменных и вещественных памятников местной церковной старины. Для осуществления своих целей Комитет с первых дней его создания предпринял конкретные мероприятия. Начал приводить в известность архивы церквей, монастырей, духовных учебных заведений и епархиальных учреждений, описывал их и выделял из них наиболее важные в историческом и культурном отношении для сосредоточения и хранения в архиве Комитета. Наблюдал за сохранностью старинных храмов, икон, церковной утвари, принимал меры против их порчи и уничтожения. Собирал и хранил в своем музее письменные и вещественные памятники местной старины, а также наиболее оригинальные произведения местного иконописания, заботился о приобретении фотографических снимков с древних памятников, которые не могли быть приобретены в музей, снимков с храмов псковской епархии, а также планов церквей. Комитет способствовал распространению в местном обществе и особенно среди духовенства историко-археологических сведений, пробуждал интерес к памятникам псковской церковной старины, устраивал публичные чтения, археологические выставки, составлял программы и описания историко-статистического изучения прошлого приходов, религиозного быта местных старообрядцев и сектантов¹. По поводу реставрации храмов и других памятников церковной старины Комитет входил в сношения с Императорской Археологической Комиссией /ИАК/ и действовал согласно ее распоряжений. Комитет способствовал в проведении реставрационных работ в основном памятников архитектуры и иконописи. Так в 1909 году Комитет поддержал ходатайство настоятеля Псково-Печерского монастыря архимандрита Никодима о необходимости проведения срочной реставрации чудотворной иконы Успения Божией матери. Также Комитет обратился в ИАК за содействием в направлении специалистов и оказании финансовой поддержки для проведения реставрационных работ по сохранению разрушающейся фре-

---

¹ Труды Псковского церковного историко-археологического комитета. Псковская старина. Т.1, Псков, 1910, С.7-12.

сковой живописи Спасо-Мирожского монастыря. В обоих случаях ИАК оказала необходимую помощь.

Для нормальной жизнедеятельности ПЦИАК требовались необходимые финансовые средства и привлечение к участию в работе квалифицированных специалистов. Комитет возлагал большие надежды на понимание и содействие со стороны местного духовенства. Высшее духовное начальство привлекло духовенство к изучению памятников старины, издав распоряжение о составлении приходскими священниками церковных летописей.

Главная функция Комитета и созданного Музея церковно-археологических древностей состояла в том, чтобы собирать и охранять от гибели и разрушения памятники псковской церковной старины. Комитет, к сожалению, просуществовал недолго. Главная трудность его функционирования заключалась в отсутствии необходимых финансов.

Во второй половине XIX – начале XX века в России наблюдался расцвет исторических и археологических научных обществ, в частности церковно-археологических, которые занимались изучением, сохранением и бережением памятников старины. Церковь имела собственные учреждения, занимающиеся проблемами охраны и изучения памятников древности. Церковная власть осознавала свою ответственность перед обществом и государством за судьбу тех сокровищ церковной старины, которые находились в ее владении. Все яснее и сильнее осознается мысль, что дело это не только не чуждо церкви, но отвечает ее глубинным целям. Она находит свое практическое воплощение и в учреждении епархиальных церковно-археологических музеев и древлехранилищ.

Тема государственного и ведомственного учета памятников истории и культуры, находящихся во владении приходских, соборных, монастырских храмов, как свидетельствуют многочисленные документы, решалась вплоть до начала XX века. Правомерность нахождения древних предметов литургического обихода в государственных, церковных и общественных музеях; вопросы собирания памятников, некогда находившихся в храмах; основания для выведения их из прямого функционального использования и передачи их из церквей и монастырей в музейные собрания – эти и сходные проблемы в прошлом столетии вызывали столь же страстную полемику, как и сегодня.

Серьезное внимание в середине XIX века – начале XX века уделялось разработке охранных и консервационных мер для предотвращения хищений, повреждений и обветшания памятников, создания условий для их существования. К числу подобных относятся различные указы и инструкции о предупреждении пожаров, предотвращении чада от плохих свечей и лампадного масла, поддержании нормальных климатических условий и др. Большой интерес представляют имеющиеся документы о взаимоотношениях церковных и государственных властей, например, по вопросам государственного финансирования реставрационных работ, о правилах и ограничении восстановительных работ, о системе обязательного рецензирования экспертами государственных органов охраны памятников всех проектов ремонтно-реставрационных работ; о судебной и административной ответственности за порчу, разрушение и хищение памятников. Один из наиболее сложных и животрепещущих вопросов касается форм собственности на памятники, в частности, памятники церковной старины, ограничения прав владельцев в распоряжении ими.

Отмечая пробуждение подлинного интереса к национальной старине в широких общественных кругах и понимание необходимости сохранения памятников древности, Н.К.Рерих в начале XX века писал: «Пробуждается сознание, что прекрасные памятники нужны не только как музейная редкость, но как самые прочные ступени будущей культуры страны. Не знающий прошлого, не может думать о будущем. Народ должен знать свою историю, запечатленную в памятниках старины. Мы должны с великим попечением изыскивать еще не тронутые варварской рукой древности и дать им значение, давно заслуженное. Но никакое установление не может выполнить задачу регистрации, охранения и исследования старины, пока народные массы добровольно не отзовутся своими заботами»¹.

Сегодня приходится заново проходить трудный путь, уже однажды пройденный русским обществом, русской церковью, понесшими в нем немалые потери. Необходимо учитывать накопленный исторический опыт, чтобы он не оставался только как интересный фактический материал, в целях избежания новых необратимых потерь.

---

¹ Старые годы. СПб., 1910, № 1, С.69.